

по данному вопросу различия можно обнаружить только в способе изъяснения, но не в существе дела. В данном контексте оценка влияния католичества рассматривается данными авторами даже на уровне терминологии.

По мнению С.В. Пишуна, исследователям русской философии еще предстоит «разобраться на уровне философской конкретики, в каком отношении находились православная персонология и западноевропейская схоластика»¹. Данный вопрос достоин рассмотрения в контексте сопоставления с общей спецификой религиозно-философских отношений Восточной и Западной Церкви. С. В. Пишун утверждает, что представители православного духовно-академического теизма не занимались пассивной ретрансляцией западной мысли, но творчески и свободно переосмыслили ее, сохраняя «конфессиональную благонадежность»². Из «Точного изложения Православной веры» преп. Иоанна Дамаскина становится понятным общий принцип отношения Восточных Отцов к философии нехристианского происхождения: «Все исследуйте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21). Вероятно, этот принцип представляет собой традиционный способ отношения Востока к Западу, к его прочтению Евангельской Вести.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГОВОРА

Мотовникова Е.Н., канд. филос. наук, доцент НИУ «БелГУ», г. Белгород

Духовная культура человека и общества проявляется в том числе и как культура разговора о духовности, о духе времени, о духовной стороне общественной и частной жизни. Этот разговор, по-видимому, всегда был проблемным, острым, поскольку речь в нем извечно идет о самом важном, как в интимно-личностном, так и мировоззренчески-идеологическом масштабах – о духовной основе творчества и борьбы с пошлостью и низостью во всех проявлениях человеческой жизни. Однако характер и источник остроты и проблемности имеет, кроме вечного, и исторический характер и особенное выражение в каждую особенную эпоху. Эти особенности, наверное, более полно и адекватно понимаются в историческом «после», с некоторого расстояния, с позиции знания исхода и дальнейшего развития исторических полемик. Однако и «внутри» эпохи, в потоке речей о современной духовности возможны попытки отнестись к этому разговору максимально осознанно, конструктивно-разумно.

Одной из особенностей споров о духовности в наши дни является «проблема перевода» или совместимости дискурсивно-научных и духовно-религиозных высказываний как разнородных по предпосылкам и установкам стратегий разговора. Стратегии эти сталкиваются и в институциональной образовательной среде средней и высшей школы, и в пространстве

¹ Пишун, С. В. Православная персонология и духовно-академический теизм XIX век. – М. : «Прометей», 1996. – С. 82.

² Пишун, С. В., Гунькин, И. В., Пинчук, В. Ю., Сахатский, А. Г. Православный философский теизм (XIX-начала XX веков). – Владивосток : ДВГУ, 2006. – С. 120.

профессиональных СМИ, и в максимально свободном и широком общении в социальных сетях интернета. Религиозно-духовный ренессанс в постсоветской России породил надежду на восполнение ущербности материалистического (в его диалектико- и историко-материалистической разновидности) истолкования духа как порождения природной и социальной материи, истолкования неясного, противоречивого, прикрывающего эту противоречивость ссылкой на постулат («закон») о диалектическом противоречии. Отказ от тотальной философско-материалистической редукции открыл возможность возобновить поиски адекватного рационального выражения совершенно особой, нередуцируемой формы мироощущения и сознания – непосредственного знания о духе. Для русской философской традиции, прерванной в начале двадцатого века, эта трудная тема была одной из главных, и её разработка не была бесплодной. «Реальность духа засвидетельствована всем опытом человечества, всей его высшей жизнью. Отрицание этой реальности есть слепота и глухота к реальностям, есть неспособность к различению качеств бытия или неспособность к описанию того, что различено. Дух по-иному реален, чем мир природных вещей. Эта реальность не доказывается, а показывается теми, которые способны к различению качеств. Реальность духа стоит вне категориального мышления, накладывающего свою печать на "бытие"»¹. В этих словах Н.А. Бердяев в 1937 году подводил определенный итог вековых споров по поводу возможности истолкования природы духовности в натуралистических, логических, диалектических, феноменологических, антропологических и т. п. терминах.

Много размышлявший об этой проблеме Н.Н. Страхов еще раньше, в 70-е годы XIX века видел главную тенденцию всего умственного развития Запада в антихристианском растворении духа в природе: «Нам неизвестна другая наука, кроме науки пантеистической. Все привычки нашего ума сложились в этом направлении, и я не вижу выхода...»². Сциентистский обобщающий, номологический дискурс наукообразного, в том числе философско-научного толкования духовных переживаний модифицируется порой в паранаучный, мистически-практический «птичий» язык, тоже далекий от языка естественного и требующий специального обучения и инициаций. Однако все эти речевые ухищрения никак не проясняют, не раскрывают, не приближают к пониманию, к непосредственному узнаванию своего духовного опыта.

Казалось бы, сегодня, в условиях полной идейной свободы, мы могли бы уже попробовать двинуться дальше в развитии современного языка описания различной особой реальности духа, учить детей и юношество смелее и четче выявлять, называть, оценивать духовные предпосылки и смыслы наших повседневных слов и дел, а не только повторять, как заклинания, стершиеся формулы о духовном подвижничестве великих предков. «...Важнее не знать, что именно говорил или думал Христос, а решить, что есть истина и

¹ Бердяев Н.Н. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.Н. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 378.

² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. Об-ва Толст. Музея, 1914. С. 22.

справедливость в тех вопросах, о которых он говорил. Слова Христа полны глубокого смысла, а потому темны и парадоксальны»¹. Для духовного разговора надо иметь что сказать и хотеть говорить, а подходящие слова и выражения будут находиться в разговоре сами, как освоили же мы в считанные годы неведомую дотоле тематику бизнеса, финансов, рыночной торговли, индивидуалистической морали и т.п. А вот духовный смысл этих новшеств нашей жизни остается темен, не высказан. Почему? «Призрачному "духовному богатству", чудовищному кишению абстрактных идей» соответствует «бессмысленно-механический строй конкретной жизни»². С позиций научного материализма, наоборот, строй жизни порождает строй идей, но в оценке исторической бессмысленности, бесперспективности современного «ленивого или бессильного духа»³ в данном случае противоположности сходятся.

Ощущение бессилия и беспомощности проникнуть в тайну духа чуждым ему инструментарием научной методологии снова толкает нас к удивительно ясному, простому и человечному наставлению: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие». (Ефес., 6, 14–17) Слово одухотворенное уже сказано, и записано, и повторено неоднократно; чтобы нам не сбиваться и не путать слова и смыслы, «еще должно быть веяние духа, просветляющее наше понимание духа»⁴.

ПРОБЛЕМА НОВОЙ ИКОНОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИКОНОПИСИ

Оксак Т.А., канд. пед. наук, доцент кафедры теологии НИУ «БелГУ», г. Белгород

После празднования Тысячелетия Крещения Руси – поворотного момента в отношении нашего государства к церкви – прошла уже четверть века. За это время построены сотни новых храмов, восстановлены тысячи старых, практически разрушенных. Храмы оснащаются новыми иконами, многие расписываются. Но если в количественном отношении этот процесс выглядит довольно внушительно, то качество живописной «продукции» вызывает много претензий.

Особенностью сегодняшней церковной живописи является то, что она не только следует древним образцам, но и создаёт новые иконографические типы. Это объясняется огромным количеством вновь канонизированных святых:

¹ Вригт Г.Х. фон. Три мыслителя. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 2000. С. 188.

² Бахтин Н.М. Современность и фанатизм // Бахтин Н.М. Философия как живой опыт. Избранные статьи. М.: Лабиринт, 2008. С. 6.

³ Там же. С. 5.

⁴ Бердяев Н.Н. Дух и реальность. С. 378.